

ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ОЛЬДЕРОГГЕ И МАЛОИЗВЕСТНАЯ АФРИКАНИСТИКА

Я рад, что здесь, в Питере, собралось такое большое и представительное собрание — коллеги из Москвы, Ярославля, из других городов. Для меня тут и начиналась отечественная африканистика. Здесь зимой 1948–1949 г. я переступил порог кабинета Дмитрия Алексеевича. Тут, в Петербурге, больше всего отдают дань его памяти.

Пошел двадцать первый год, как его нет с нами. Становится все меньше тех, кто его знал. Молодое и даже среднее поколения судят о нем только по его опубликованным трудам. Но, увы, тем, кто знает только его опубликованные работы и не знал или мало знал его лично, нелегко составить достаточное представление о нем как об ученом.

Он не смог в достаточной мере выразить себя в своих трудах. Он был куда богаче, чем можно судить по его книгам и статьям. Свои важнейшие замыслы — говорю это с полной ответственностью — он не успел, не смог осуществить. Почему?

Вот я и хочу сегодня напомнить, особенно подчеркнуть, что каждого человека, каждого ученого, каждого из нас можно судить, только учитывая те исторические условия, в которых он живет, те трудности, которые ему приходится преодолевать.

Давайте вспомним, вдоволь ли ему, патриарху нашей африканистики, удалось повидать Тропическую и Южную Африку? Он три раза побывал в Западной Африке в 1960-х годах, когда ему уже было около шестидесяти. Еще несколько дней в Эфиопии в 1968 г., когда ему вручал премию Хайле Селассие.

И это — все. Даже тогда, в 1960-х годах, как признал на прошлых «Ольдерогговских чтениях» прежний ученый секретарь Научного совета по Африке Юрий Михайлович

Ильин, Дмитрия Алексеевича, бывало, не включали в делегации африканистов на международные встречи. А Ильин знал, ведь через него проходили выездные дела.

С 1968 г. до своей кончины Дмитрий Алексеевич ни разу не был не только в Африке, но и вообще за рубежом. Он стал практически «невыездным». Его никуда не пускали. После 1968 г. он выезжал за границу только один раз — в Восточную Германию, в ГДР.

Вспомните, сколько за те два десятилетия было крупных международных встреч африканистов! Сколько интересного мог бы сказать Дмитрий Алексеевич — и сколько узнать! Пускали многих членов нашего цеха африканистики, отправляли и тех, кто к африканистике отношения не имел. А его — нет. Почему? Это не принято было объяснять.

А сколько лет он вообще жил под страхом репрессий, даже ареста! Дворянин, беспартийный. Отец — эмигрант. Дядя — расстрелян в 1931 г. Тетя арестована. Он рассказывал мне, как в 1937 г., да и не только тогда, ждал ареста. Свидетельство о дворянском происхождении он утопил в одном из петербургских каналов.

С 1937 по 1946 г. не опубликовал ни одной статьи. Да и в последующие сталинские годы, до 1953 г., очень мало. Даже в 1957 г. он сказал мне: «Как вы не боитесь издавать книгу? Ведь это как спускать на воду корабль. Его надо со всех сторон окружить эхолотами». Как же глубоко загнали страх в душу Дмитрия Алексеевича!

А когда я его увидел первый раз, зимой 1948–1949 гг., он ходил с палочкой. Ныло сердце. И было отчего. В конце 1940-х годов намечался разгром ленинградского востоковедения. Если бы он произошел, Дмитрию Алексеевичу было бы несдобровать.

Можно понять Дмитрия Алексеевича, если не знать всего этого? И можно ли вообще понять его без истории отечественной африканистики? Без ее путей? Без ее судеб? Ее достижений и ее трагедий?

Мне кажется, судьба Дмитрия Алексеевича — самая подходящая тема, чтобы обсуждать традиции и тенденции нашей африканистики, историю нашего цеха. Мы, к сожалению, мало внимания обращаем на нее. Ведь посмотрите, сколько книг и статей издали и издают востоковеды. С каким вниманием относятся к своему прошлому! Отслеживают все этапы зарождения, трансформации. Издали даже биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора.

А мы? Откуда мы все родом? Кто-то отсчитывает нашу историю от создания Института Африки. Кто-то — от большого отдела в Институте востоковедения — с 1956 г. Другие — от выхода тома «Народы Африки» — с 1954 г. Еще одни — с создания сектора Африки в Институте этнографии и возникновения кафедры африканистики в Ленинградском университете.

Так откуда же пошла эта наша африканистика? Когда она началась? И с чего? Вообще, почему она возникла? И какие уроки из истории наших предшественников можем извлечь мы?

Так ли, эдак ли, мы — их продолжатели. Будь они живы, наверное, напомнили бы нам библейскую мудрость: «Это было уже в веках, бывших прежде нас». В наше время, другими словами, стихами, о том же:

*И кораблям, что следуют за нами,
Придется драться с теми же волнами
И скрежетать от той же самой боли,
О те же скалы ребра ободрав.*

Конечно, и скалы теперь уже не совсем те. И волны — тоже. Но боль-то — она такая же.

Я не буду вдаваться в споры о том, что такое африканистика — синтез или конгломерат дисциплин. Для меня африканист — это тот, кто считает себя африканистом. А когда

в нашей стране появились люди, которые считали себя таковыми?

Конечно, немало наших соотечественников интересовались Африкой в очень давние времена. И оставили интересные книги и статьи. Это были путешественники. Юнкер, Булатович, Догель... Из профессиональных ученых — Тураев. Но Абиссиния, о которой у него есть труды, была лишь частью его интересов — и далеко не главной. Изучал он Древний Восток.

Ганс Волдемар Матвей (или как он еще называл себя — Владимир Марков) написал одну из первых в мире книг об африканском искусстве.

И все же лишь в конце 1920-х — начале 1930-х годов в нашей стране появляются ученые, которые считали изучение Африки своей профессией. Это происходило и в Москве, и в Ленинграде одновременно.

В Ленинграде — Дмитрий Алексеевич, затем Игорь Леонтьевич Снегирев, Николай Владимирович Юшманов, Тамара Леонидовна Тютрюмова, Кирилл Николаевич Лукницкий.

В Москве — Георгий Евгеньевич Гернгрос, венгр Эндре Шик (которого в СССР называли Андрей Александрович Шийк), Николай Михайлович Насонов, Александр Захарович Зусманович, Георгий Константинович Данилов, Петр Саввич Кузнецов, Иван Изосимович Потехин, Ильза Карловна Рихтер, Федор Степанович Гайворонский. И несколько политэмигрантов из Южной Африки и Германии.

Что это были за люди? По социальному происхождению — очень разные. Такие, как Потехин и Гайворонский, — из «низов». Гернгрос и Ольдерогге — из дворян. Отец Гернгроса — начальник Генерального штаба царской армии. Отец Ольдерогге — полковник, в его доме бывали Маннергейм и Колчак.

Уровень образования тоже разный. У кого-то сельское, а в дальнейшем — только партийные школы. А Шийк еще до Первой мировой войны окончил иезуитский колледж и защитил

магистерскую диссертацию по юриспруденции. Ольдерогге и Снегирев в 1920-х годах получили университетское образование по египтологии. Учились у лучших специалистов по Древнему Востоку.

Сферы научных интересов тоже очень разные. У Шийка, Гернгросса, Насонова, Зусмановича, Потехина, Гайворонского, Лукницкого — социально-экономические, политические, исторические. У Данилова, Ольдерогге, Кузнецова, Юшманова, Тютрюмовой — лингвистика и отчасти этнология. А Снегирев сочетал лингвистику с социально-политическими исследованиями.

В эти несколько лет зарождения африканистики, с конца 1920-х до середины 1930-х годов, вышли десятки книг, сотни статей. Поражает трудолюбие тех людей.

Над какими проблемами работали, и каков был научный уровень?

Не буду говорить о сфере лингвистики — не могу о ней судить, тем более что есть книга Нелли Владимировны Громовой. Скажу лишь, что изучались суахили, хауса, амхарский, зулу и язык ваи (из семьи манде).

В сферах социально-экономической, политической и исторической, разумеется, явственно сказывалась тогдашняя большевистская генеральная линия: всемерно разоблачать капиталистический Запад и выявлять потенциал революционных движений, особенно тех, что были близки идеалу большевизма.

Но заслуга первых африканистов в том, что они занялись темами, которыми еще не занималась западная африканистика — она ведь сосредоточивала внимание на языковедении и изучении традиционных общественных норм.

Советские африканисты конца 1920-х — первой половины 1930-х годов поставили такие проблемы, как изменения в социальных структурах африканских обществ под воздействием колониализма. Изучались и черты нового — городского —

населения, африканского пролетариата. Также, очевидно впервые, — новые формы антиколониального протеста.

А некоторые работы настолько не вписывались в рамки тогдашней официальной идеологии, что выпустившие их научные учреждения своими предисловиями предупреждали об этом читателей. Так было с книгой Гернгроса «Британский колониализм в Восточной Африке» (издана в 1931 г.). В ней использованы английские, французские и немецкие исследования и публикации документов. Дано богатое приложение: документы, вплоть до «Циркулярного письма У. Черчилля» от 1921 г. о методах набора и использовании рабочей силы в Кении; «Резолюции конференции губернаторов Восточноафриканской колонии по аграрной и рабочей политике» и «Угандийского соглашения 1900 г.». Институт мирового хозяйства и мировой политики издал эту книгу с предисловием, которое начинается словами: «Предлагаемая вниманию читателей работа не отвечает всем требованиям, предъявляемым к марксистско-ленинским исследованиям колониальных стран» [Юг 1931: 3].

Еще раньше, в 1930 г., была издана монография А. Шийка «Расовая проблема и марксизм». Она основана на изучении огромного числа западных источников и исследований. Библиография занимает 26 страниц. Президиум Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, который издавал эту книгу, тоже предпослал ей предисловие. Там признавалась ее важность как первого марксистского анализа расовой проблемы, но сразу же делалась оговорка: «Президиум считает, что у т. Шийка имеется ряд весьма спорных теоретических положений» [Шийк 1931: 5].

А потом, когда эта книга вышла, каких только синяков и шишек ни досталось автору. Было даже и такое: «Шийк хочет материалистически объяснить расовые различия и доказать, что по существу все люди — люди. Но спрашивается, насколько целесообразно у нас, в СССР, печатать книгу, где критикуются

десятки реакционных “предлогов” для эксплуатации негров? Что с предрассудками белых рабочих надо бороться, это ясно, но надо ограничиться лишь обычными, “житейскими” предрассудками и для борьбы с ними все же лучше использовать старую литературу. Собственно говоря, доказывать и доказать, что негры — это такие же люди, не является нашей задачей. (Мы должны организовать белых и черных рабочих.) Таковую задачу должна была выполнить передовая буржуазия, и она выполняла ее кое в чем. Возьмем, например, Генриетту Бичер-Стоу и др. Лучше для нашей партии найти такие сочинения и перепечатать их. Больше пользы будет от них, чем от ученой, скучной, напыщенной чепухи тов. Шийка» [Насонов 1930: 331].

Каковы были организационные формы? В Москве, в КУТВе — Коммунистическом университете трудящихся Востока — в начале 1930-х годов возникла кафедра африканистики. А в Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, которая тоже была при КУТВе, создали Африканский кабинет. Там собирали литературу об Африке и изучали ее.

В Ленинградском университете в 1934 г. была создана кафедра семито-хамитской филологии и принята группа студентов, которых Ольдерогге, Юшманов и Тютрюмова обучали языкам суахили, хауса и амхара. В 1934 г. выходят первые статьи Дмитрия Алексеевича о Тропической Африке. До того — только по египтологии.

Было ли четким деление между Москвой и Ленинградом по сферам научных интересов? И да, и нет. Конечно, в Москве преобладало изучение политических и социально-экономических проблем, а в Ленинграде — лингвистика и в какой-то мере этнология. Но все-таки совсем уж резкого деления не было. В Москве Данилов и Кузнецов были лингвистами, а в Ленинграде Снегирев, повторяю, наряду с

филологическими проблемами интересовался и социально-политическими.

В СССР это было время «чисток» и взаимных политических обвинений. Но в африканистике вражды между москвичами и ленинградцами все же не было. Больше того, первая в истории нашей страны конференция африканистов называлась «Совещание по африканским языкам». Оно состоялось в Москве в январе 1934 г. Приехали и выступили все ленинградские африканисты. Зусманович, руководивший этим совещанием, призывал к тесному сотрудничеству.

Так что тот период, несомненно, интересен во всех своих ипостасях. Но почему мы так мало знаем о нем? Не опубликовано никаких воспоминаний, есть всего несколько статей и только одна книга — «Становление отечественной африканистики. 1920-е — начало 1960-х».

Это становится понятным, если представить, с чего тот период начался и чем он закончился. Начался он, как и многое в нашей стране, с перемены в государственной политике. В 1927 г. Коминтерн, который был орудием большевистской партии, начал уделять большее внимание колониальным странам. Разумеется, и Африке. Это было закреплено решениями VI конгресса Коминтерна (1928 г.).

Так открылись возможности для изучения «Черной Африки». Прежде всего, конечно, ее социально-политических проблем. Но и языков — тоже. Было очевидно, что без знания языков невозможно понимать Африку и тем более оказывать на нее влияние.

Несколько молодых ученых решили, целиком или частично изменив сферу своих интересов, обратить внимание на Африку. Так поступил и Ольдерогге, а вслед за ним и Снегирев. Египтология и изучение древнего мира — то, чему они учились в университете — вряд ли было особенно востребовано советским государством.

Но этот первый период африканистики оказался коротким — меньше десяти лет. С Коминтерна он начался, Коминтерном и закончился. Официально Коминтерн был распущен в 1943 г., фактически же разгромлен Сталиным еще в середине 1930-х годов. Казалось бы, Коминтерн был эффективным оружием для распространения большевистских идей, но для Сталина важнее оказалось другое. Руководителями Коминтерна были Зиновьев, а вслед за ним Бухарин. К созданию Коминтерна имел отношение Троцкий. Так что к Коминтерну Сталин относился с большим недоверием. Гонения начались в 1934 г. А в 1937 г. Коминтерн в прежнем виде уже не существовал. Конечно, африканистика не была основной мишенью репрессий, но досталось и ей.

Расстреляли Гернгросса, Данилова, Насонова и политэмигрантов из Южной Африки — братьев Рихтеров. Еще один политэмигрант из Южной Африки, Лазарь Бах, погиб в концлагере. Гайворонского арестовали и пытали. Потом выпустили, и он погиб в первом же бою в Отечественной войне. Его жена сказала мне, что он искал смерти. Судьбу Ильзы Карловны Рихтер и немецких политэмигрантов, сотрудничавших с московскими африканистами, выяснить не удалось. Скорее всего, их постигла та же участь.

Зусмановича и Потехина изгнали из системы учреждений Коминтерна, и им пришлось на долгие годы расстаться с африканистикой. Последним, в 1937 г., изгнали из Коминтерна Шийка. Хотя он и до того подвергался гонениям, сами африканисты относились к нему с уважением. В те годы на него смотрели как на патриарха. Он написал еще в 1929 г. программу развития африканистики, по тем временам весьма профессионально. Он читал лекции студентам-африканцам, глубоко изучал историю Африки. В 1933 г. Зусманович и Потехин, выпустив свою книгу, подарили ее Шийку, написав: «Многострадальному африкановеду от начавших». На коллективной фотографии африканистов в 1934 г. Шийк сидит в центре, между Снегиревым и Ольдерогге.

А в 1937 г. его не только изгнали из Коминтерна, но и исключили из партии и арестовали. Правда, затем выпустили, но на прежнюю работу путь ему был уже заказан.

Как тут не вспомнить слова Владимира Высоцкого:

*Учителей сожрало море лжи
и выплеснуло возле Магадана.*

Африканистика в Москве оказалась полностью разгромленной. В Ленинграде арестовали Лукницкого. Все же ленинградцам досталось меньше. Они не были напрямую связаны с Коминтерном.

Из трех ведущих ленинградских африканистов через несколько лет остался только один — Ольдерогге. Снегирев, пройдя всю войну, погиб в ГУЛАГе в 1946 г. В том же году умер Юшманов.

Так закончился этот первый период истории нашего цеха. Мало того, что он кончился — о нем вообще не принято было говорить. Ни о тех людях, ни об их судьбах, ни об их трудах.

В книге «Народы Африки», которая готовилась в последние годы жизни Сталина и вышла вскоре после его смерти, нет никаких упоминаний о том периоде. Ни одного имени, не упомянуто ни одной книги, ни одной статьи. И потом, когда я расспрашивал Ольдерогге и Потехина, они отвечали очень сдержанно или вообще уходили от разговора. Как же велик был пережитый страх! Да ведь он и не вполне проходил.

Вот то, что я хотел напомнить о том мире, в котором Дмитрий Алексеевич становился африканистом. Жизнь его пришлась и на те времена, о которых Александр Блок писал: «Мы дети страшных лет России», и на те, о которых сказал Владимир Высоцкий: «Мы тоже дети страшных лет России».

И все же Дмитрий Алексеевич умел радоваться жизни, смеяться. Из его наставлений — я помню их много — приведу лишь одно: «Делать надо не только то, что начальство от вас

требует, но и то, что оно вам категорически запрещает. Именно это завтра и будет самым нужным». Не благодаря ли этому своему принципу он и стал подлинным ученым?

Что я могу еще добавить? У нескольких африканистов того первого поколения все же началась в нашем же цехе (правда, не сразу) новая жизнь. Зусманович, приговоренный к расстрелу, отсидев 70 дней в камере смертников, в 1956 г., вернулся в африканистику. Потехин отделался только выговором и изгнанием и вернулся в 1947 г. А Шийк стал министром иностранных дел Венгрии, а, уйдя на пенсию, написал еще два тома «Истории Черной Африки» и издал их в 1960-х годах на английском, французском и венгерском, объединив с первыми двумя томами, которые были подготовлены в Москве и оставались в рукописи. В 1971 г. он издал на венгерском и свою книгу «Расовая проблема и марксизм» — через четыре десятилетия после того, как она вышла в Москве.

Вот то, что я хотел сказать о полузабытой африканистике. А теперь несколько слов о той, что уж совсем неизвестна. В последние полтора-два десятилетия в нашей стране легализовался интерес к судьбе российской эмиграции (именно легализовался, потому что он был и раньше). Но мы как-то еще не задумываемся, что выходцы из нашей страны или их дети сыграли немалую роль и в развитии мировой африканистики.

Когда я в первый раз, студентом первого курса, пришел к Дмитрию Алексеевичу с вопросами об истории Южной Африки, он сказал, что югом континента занимался меньше, чем востоком и западом. И сразу же порекомендовал мне книги кейптаунского социального антрополога Айзека Шапера. Много позже я узнал, что Шапера — сын эмигрантов из России. Среди выходцев из России и их детей — Мелвил Херсковиц, один из основателей американской африканистики, Шула Маркс, известная британская африканистка, долгие годы возглавлявшая в Лондоне Институт содружества. Макс Глакман, антрополог, много лет работавший в Северной Родезии (ныне — Замбия).

Антропологи Адам Купер, Лео Купер и Хильда Купер, Мейеровиц, Комаров, Копытов, Люси Мейер, Сол Дьюбу.

В 1958 г., когда Дмитрий Алексеевич был оппонентом на защите моей кандидатской диссертации о народах Южной Родезии (ныне — Зимбабве), он послал мою книгу Харальду фон Сикару. Фон Сикар, уроженец Петербурга, работал миссионером в Южной Родезии три десятилетия, с 1926 по 1955 гг. Он хорошо знал и сопредельные страны, опубликовал много научных статей, издал на португальском языке сказки народов Анголы. На мою книгу он в 1959 г. опубликовал рецензию в журнале «Антропос». А в августе 1960 г. приехал в Москву и выступил на XXV Международном конгрессе востоковедов с докладом «Африканский демиург» (представления африканцев о Творце). Как было бы хорошо нашим африканистам закрепить с ним эту связь! Как много пользы он мог бы принести своими знаниями!

Но все произошло наоборот. В отчете о конгрессе, напечатанном в газете «Правда», говорилось, что конгресс прошел хорошо и что была лишь одна колонизаторская вылазка — доклад Сикара. Так расценили его доклад. К сожалению, это сделал Иван Изосимович. Может быть, ему так приказали? Но, во всяком случае, для Сикара возможности приехать в СССР закрылись.

В Польше много пишут о Брониславе Малиновском, гордятся тем, что он выходец из Польши. К сожалению, наша африканистика пока еще не проявила интереса к соотечественникам.

Литература

- Юг. Британские колонии в Восточной Африке. М.; Л., 1931.
Шийк А. Расовая проблема и марксизм. М., 1931.
Насонов Н. Расовая проблема и марксизм в понимании тов. Шийка // Революционный Восток. 1930. № 9/10.